Куприн

Александр Иванович

1870 - 1938

Классики

за 30 минут

Классики за 30 минут

Куприн за 30 минут

«Мельников И.В.»

Куприн за 30 минут / «Мельников И.В.», — (Классики за 30 минут)

Серия «Классики за 30 минут» позволит Вам в кратчайшее время ознакомиться с классиками русской литературы и прочитать небольшой отрывок из самого представленного произведения.
В доступной форме авторы пересказали наиболее значимые произведения классических авторов, обозначили сюжетную линию, уделили внимание наиболее важным моментам и показали характеры героев так, что вы сами примите решение о дальнейшем прочтении данных произведений, что сэкономит вам время, либо вы погрузитесь полностью в мир данного автора, открыв для себя новые краски в русской классической литературе. Для широкого круга читателей.

© Мельников И.В.

Содержание

Библиографический очерк 5
Гранатовый браслет 9
Ю-Ю 12
Слон 14
Белый пудель 15
Анафема 16
Болото 17
Гамбринус 18
Изумруд 20
Молох 22
Allez! 25
Тапёр 26
Молох 28
II 30
III 33
IV 36
Конец ознакомительного фрагмента. 38

Куприн за 30 минут

Библиографический очерк

Один из величайших русских писателей – Александр Иванович Куприн появился на свет 7 сентября (26 августа по ст. стилю) 1870 года в провинциальном городе Наровчате Пензенской губернии. Отец мальчика, служивший мелким чиновником, очень рано умер, а потому, воспоминаний о нем практически не осталось. Мать по своему происхождению относилась к старинному татарскому княжескому роду Куланчаковых, была волевой и своенравной женщиной. В возрасте четырех лет сын вместе с матерью переезжает в Москву, где проходят детские и юношеские годы Куприна. Крайне тяжелое финансовое положение семьи, стало причиной того, что мальчика отдали в Московский Разумовский сиротский пансион, славившийся своим суровым воспитанием.

Несмотря на жизнь в пансионе, молодой человек мог общаться с матерью – Любовью Алексеевной Куприной, которую он очень уважал и любил. Она – сильная, самодостаточная, амбициозная гордячка, с отличным вкусом и невероятной наблюдательностью, временами бывавшая деспотичной, – стала для сына примером для подражания, мудрым советником и наставником.

Еще в сиротском воспитательном заведении, мальчику пришлось привыкнуть к форменной одежде, которая станет для него привычной на несколько ближайших лет. С 1880 года он является учащимся Второй Московской военной гимназии, вскоре преобразованной в кадетский корпус. Куприна очень тяготила излишне строгая дисциплина и постоянная муштра, жизнь с десятилетнего возраста в закрытых учебных заведениях, что было отображено им в повести «На переломе» («Кадеты») (1900 г.), а также, в романе «Юнкера» (1928-1932 гг.). Эти произведения наглядно демонстрируют то, с чем пришлось столкнуться юноше: жестким бытом, безжалостными нравами и идиотизмом наставников.

Осень 1888 года ознаменовалась для Александра Ивановича поступлением в очередное военное заведение – Третье Александровское юнкерское училище, выпускавшее офицеров пехоты. К этому времени, молодой человек из подростка трансформировался в бравого, сильного юношу, великолепного танцора и отличного гимназиста, свято чтившего честь своего мундира. Именно в это время Куприн обратил пристальное внимание на литературную деятельность, заинтересовавшую его еще в пору кадетского корпуса. Благодаря мудрым наставлениям литератора Цуханова и знакомству с писателем Л.И. Пальминым, свет увидело первое произведение поэта «Последний дебют», опубликованное в московском журнале «Русский сатирический листок».

После успешного окончания Александровского военного училища и присвоения звания подпоручика, Куприн был зачислен на службу в сорок шестой Днепровский пехотный полк, располагавшийся в отдаленном провинциальном городке Проскурове Подольской губернии. Повседневная монотонная действительность, неоправданная жестокость начальства и однообразие, вскоре заставили молодого человека разочароваться в офицерской службе, что в итоге, привело к отставке. За четыре года офицерской службы, был накоплен богатейший опыт о военной жизни, нашедший свое отражение в повести «Впотьмах», рассказах «Лунной ночью», «Из отдаленного прошлого» («Дознание»), «Ночлег» (1897 г.), «Ночная смена» (1899 г.), «Поход» (1901 г.), опубликованные в петербургском журнале «Русское богатство».

Поступлению в Академию генерального штаба, на котором настаивал отец девушки, в которую Куприн был серьезно влюблен, помешал инцидент с околоточным надзирателем (полицейским), которого молодой и горячий писатель просто скинул в Днепр за грубую

назойливость. Был отозван из Петербурга во время сдачи экзаменов и возвращен обратно на место службы, которое к тому моменту ненавидел, что во многом повлияло на принятие решения об отставке.

Так, писатель в двадцать четыре года оказался свободным человеком в Киеве без какой-либо «мирной» профессии. Это обстоятельство побудило молодого человека к поиску себя, своего места в жизни и в течение последующих нескольких лет он, разъезжая по России, перепробовал ремесло: репортера, поэта, фельетониста, грузчика, землемера, певчего, управляющего при постройке дома, разводчика табака, служил в технической конторе, выступал на сцене, был стоматологом, рыбачил вместе с черноморскими моряками и пр. Разумеется, весь багаж разнообразных познаний и опыта, был реализован в многочисленных произведениях писателя. Примечательно, что его особенно сильно интересовала человеческая сущность, он жадно изучал мир и людей в нем. Отчасти, поэтому перепробовал на себе так много совершенно разных профессий.

В бытность репортером и поэтом, Куприн создает сборник очерков «Киевские типы» (1896 г.) и сборник рассказов «Миниатюры» (1897 г.), опубликованные в Киеве. В тот период увидело свет множество его работ, напечатанных в: «Киевском слове», «Киевлянине», «Волыни». Как правило, это были разнообразные заметки, очерки, рассказы, давшие писателю необходимый литературный опыт, а потому, даже спустя многие годы, он с особой нежностью отзывался о репортерской работе.

С 1896 года Куприн работал в должности заведующего учетом кузницы и столярной мастерской на огромном сталелитейном и рельсопрокатном заводе. Увиденное там, произвело на него ошеломляющее впечатление, восхитило и напугало, одновременно. Именно эти переживания легли в основу повести «Молох» (1896 г.). В произведении автор проводит параллель между заводом – бездушной железной машиной, пожирающей людей, и богом войны и огня – Молохом, которому моавитянские племена приносили в жертву человека.

Именно в этот период, на стыке веков, писателем создаются почти все его знаменитые произведения: очерк «Юзовский завод» (1890 г.), рассказы: «Куст сирени», «Лесная глушь», «Оборотень», «На разъезде», «Забытый поцелуй», «Просительница», «Миллионер», «Игрушка», «Святая любовь», «Жизнь», «Странный случай», «Наталья Давыдовна», «Полубог», «Кровать», «Сказка», «Чужой хлеб», «Друзья», «Марианна», «Собачье счастье», «На реке», «Сильнее смерти», «Каприз», «Первенец», «Нарцисс», «Брегет», «Первый встречный», «Путаница», «Барбос и Жулька», «Детский сад», «Allez!», «Одиночество», «Счастливая карта», «В недрах земли». Наряду с повестью «Молох» наиболее выдающимися считаются произведения: «Лесная глушь» (1898 г.), «Прапорщик армейский» (1897 г.), «На глухарей» (1899 г.), «Олеся» (1898 г.), «В цирке» (1901 г.).

Ноябрь 1901 года ознаменовался для Куприна переездом в Петербург, где он смог заявить о себе как о профессиональном писателе. Там же происходит знакомство с И.А. Буниным, А.П. Чеховым, М. Горьким. Во время визитов в Москву посещает литературное общество «Среда», сводит знакомство со множеством литераторов. А в 1903 году в издательстве М. Горького «Знание» публикуется первый том рассказов Александра Ивановича, восторженно встреченный критикой. В Петербурге его друзьями становятся все руководители журнала «Мир Божий»: редактор – Ф.Д. Батюшков, критик – А.И. Богданович, издательница – А.А. Давыдова. Именно на дочери последней – Марии Карповне в 1902 году женился писатель и вскоре на свет появилась их дочь – Лидия. Одновременно с этими событиями, в различных журналах Петербурга выходят его рассказы: «Болото» (1902 г.), «Конокрады» (1903 г.), «Белый пудель» (1904 г.), повесть «Поединок» (1905 г.). Последняя стала триумфом поэта.

В связи с публикацией обвинительного очерка «События в Севастополе», написанного по следам очаковского восстания, свидетелем которого был автор, его выгнали из Севасто-

польского округа, а вице-адмирал Чухнин и вовсе подверг его судебному преследованию. Допрос у следователя завершился разрешением вернуться в Петербург.

Вдохновленный успехом повести «Поединок», Куприн собирался написать его продолжение с рабочим названием «Нищие», но эта работа так и не была завершена. С другой стороны, в это время увидели свет рассказы: «Штабс-капитан Рыбников» (1906 г.), «Река жизни», «Изумруд» (1907 г.), «Гамбринус», цикл очерков «Листригоны» (1907-1911 гг.), «Суламифь» (1908 г.), «Гранатовый браслет» (1911 г.). В 1909 году награжден премией Пушкинской Академии, которую разделил с И.А. Буниным, а 1912 год – публикация в издательстве Л.Ф. Маркса Полного собрания сочинений писателя в восьми томах.

Разгром революции 1905 года стал причиной значительного снижения заинтересованности политической жизнью страны, охладела дружба с М. Горьким. Несмотря на рост популярности Куприна, ему постоянно не хватало финансов, что вынудило в зените славы, заниматься журналистикой. В это время создается повесть «Яма» (1915 г.), повествующая о жизни публичного дома. Но перегруженная безобразными подробностями, она не снискала одобрения критиков.

В личной жизни писателя также произошли перемены: женитьба вторым браком на племяннице Д.Н. Мамина-Сибиряка – Елизавете МорицовнеГейнрих и рождение дочери Ксении.

Первая мировая война заставляет вновь вернуться к армейскому прошлому и работать инструктором, а в гатчинском доме организовать госпиталь. К этому времени относятся рассказы: «Папаша», «Гога Веселов». После демобилизации пишет множество патриотических статей. События Февральской революции вызвали в его душе самые позитивные эмоции и он спешно прибыл из Гельсингфорса в Петроград, чтобы вместе с критиком П. Пильским участвовать в редактировании эсеровской газеты «Свободная Россия». К этому периоду относятся рассказы: «Храбрые беглецы», «Сашка и Яшка» (1917 г.), «Гусеница», «Звезда Соломона», но ни в одном из них нет прямого указания на политические события.

Откровенно отрицательно воспринял Куприн Октябрьскую революцию 1917 года, ему была чужда политика военного коммунизма, «Красный террор», критиковал идею Ленина изменить Россию. Попытка поэта сотрудничать с В.И. Лениным провалилась, что в итоге, заставило первого эмигрировать. ИзГатчина Александр Иванович перебрался сначала в Эстонию, потом в Финляндию и, в итоге, в Париж. Именно там он превращается в заклятого врага Советской власти, публикуя изощренные памфлеты и критику на нее. Однако, поэт тоскует по Родине, его переживания легли в основу повести «Купол св. Исаакия Далматского» (1928 г.).

В 1927 году публикуется его публицистический сборник «Новые повести и рассказы», книга «Елань», рассказы: «Колесо времени» (1930 г.), «Жанета» (1932-1933 гг.). А с 1928 года в печать постепенно выходят главы из романа «Юнкера», который полностью увидел свет лишь в 1933 году.

Лишь в конце мая 1937 года Куприн вернулся в Россию. Москва встретила его очень горячо и радостно, но сам писатель был уже слишком стар и болен. А в декабре 1927 года он переезжает в Ленинград, где находит комфортные условия, живет в окружении родных и близких. В следующем году семья Куприных снова переезжает в Гатчину, где живет в доме Александры Александровны Белогруд. Поэт был очень счастлив в это время, много и с удовольствием гулял по родной земле.

Но серьезнейшее онкологическое заболевание не позволило ему далее наслаждаться жизнью и после операции, принесшей временное облегчение, все поняли, что спасти его уже невозможно.

25 августа 1938 года Александр Иванович Куприн скончался. Его супруга погибла через пять лет во время блокады Ленинграда. Они похоронены рядышком на Литераторских мостках Волковского кладбища.

Гранатовый браслет

Середина августа на северном побережье Черного моря совершенно не радовала погодой: то густой туман нависал низко над землей, заставляя реветь сирену на маяке, то мелкий дождик накрапывал с утра до ночи, делая непроходимыми глиняные дорожки, в которых застревали экипажи, то внезапно налетал ураган, низко пригибая верхушки деревьев и гремя железными крышами дач, будто по ним кто-то бегал в сапогах. Несколько маленьких рыбачьих лодок заблудилось в море в такую ужасную погоду, а две и вовсе не вернулись. Лишь через неделю море вернуло на землю тела моряков, разбросав их в разных местах.

Впечатлительные и мнительные жители пригородного курорта торопились вернуться в город и на дорогах постоянно скапливались обозы из доверху нагруженных скарбом повозок, которые тянули изможденные лошади. Дачные домики выглядели покинутыми, сиротливо поблескивая разбитыми ставнями, пугая разрушенными клумбами и кучами разного мусора.

В начале сентября неожиданно установилась такая прекрасная, тихая погода со светлыми ночами, солнечными, теплыми днями, какой не было и в начале лета. Только деревья, ныне успокоившиеся, осторожно роняли желтые листья в траву, напоминая, что грядет осень.

Супруга предводителя дворянства – княгиня Шеина Вера Николаевна не смогла со всеми соседями уехать с дачи, поскольку в их городском доме еще шел ремонт, и теперь наслаждалась погожими деньками и соленым ветерком с моря. Еще одним поводом для прекрасного настроения был день ее именин, от которого она ожидала чего-то прекрасного и чудесного. Рано поутру, отправляясь в город по делам, муж оставил ей подарок – чудесные серьги с грушевидным жемчугом.

Оставшись в гордом одиночестве, она размышляла о том, как хорошо, что именины пришлись как раз на дачный сезон – не нужно давать в городе большой обед, устраивать бал, а значит, можно сэкономить деньги, которых и так все время не хватало. Видное общественное положение мужа, обязывало их вести определенный достаточно респектабельный образ жизни: содержать большой дом, лошадей, заниматься благотворительностью, хорошо одеваться, давать хорошие обеды и прочее. Но Вера Николаевна знала о том, как шатко финансовое положение семьи, а потому, пыталась всячески поддержать мужа от банкротства, экономя доже на себе.

Недалеко от шоссе раздались знакомые звуки рожка – приехала сестра Веры Николаевны – Анна Николаевна Фриессе. Она обещала помочь сестре по хозяйству. Сестры радостно приветствовали друг друга, ведь были очень близки с детства. Хотя и имели совершенно разную внешность: старшая Вера была похожа на англичанку-мать – высокая и с аристократическими чертами лица, а младшая – пошла в отца, татарского князя, была красива не классической красотой, а южной, несколько вызывающей и немного надменной. Муж Анны был богатым, но глупым человеком, которого она не любила, но родила от него двоих детей: мальчика и девочку, а Вера детей не имела, хотя и мечтала о них, поэтому всю нерастраченную любовь без остатка отдавала племянникам.

Характер сестер был также различен, как и их внешность: младшая любила флирт, новые знакомства, хотя и оставалась верной мужу, ей нравились азартные игры, сильные эмоции, острые впечатления, она сорила деньгами, вызывающе одевалась и вела себя. Старшая – была со всеми приветлива, величественно спокойна и внешне холодна. Обе сестры были очень набожны.

Девушки присели на скамеечку над обрывом, чтобы поговорить и полюбоваться морем. Анна подарила Вере замечательную антикварную записную книжку – молитвенник,

в старинном переплете невероятно тонкой ручной работы на тоненькой золотой венецианской цепочке и подарок привел Веру в восторг.

Они прошли в дом и Вера сокрушалась, что не хватит продуктов, которые невозможно было купить даже в городе, но вспомнила про морское чудище, которое утром принес рыбак к столу – морского петуха. Повар Лука, занимавшийся торжественным обедом, обещал и его прекрасно приготовить.

Вечером прибыли гости: муж Веры – князь Василий Львович, его сестра – Людмила Львовна, молодой богатый повеса Васючок, известная пианистка Женни Рейтер, шурин князя – Николай Николаевич, супруг Анны с профессором Спешниковым, местный вице-губернатор фон Зекк, генерал Аносов – близкий друг отца сестер, бравый, отважный воин и крестный отец Анны; штабной полковник Пономарев и гусарский поручик Бахтинский. Сам генерал Аносов – невероятно колоритная личность, которую знал и уважал весь город. О его военных подвигах ходили легенды, его любили и уважали все: от главнокомандующих до простых солдат. Он был глух после ранения, гулял в сопровождении двух излишне откормленных мопсов и занимал пожизненную должность коменданта крепости. Своих детей у него не было и он всю нерастраченную любовь щедро отдавал сестрам, которые рано остались сиротами, а его с нежностью называли дедушкой.

Вечер проходит душевно, много шутят и смеются, у всех прекрасное настроение и после обеда вся компания, за исключением Веры, засела за игру в покер – любимую игру обоих семейств: и Шейных, и Фриессе. Неожиданно, княгиню окликает горничная Даша и сообщает о загадочном предмете в квадратной коробке, который принес посыльный и просил отдать лично в руки барыне. Этим предметом оказался гранатовый браслет, а записка внутри сообщала, что это подарок от давнего поклонника Веры, семейная реликвия и маленький центральный зеленый камешек наделял свою владелицу даром предвидения. Она мучительно размышляет о том, говорить ли мужу о подарке.

Тем временем, вечер в самом разгаре. Анна кокетничает с Бахтинским, кто-то играет в карты, а муж Веры показывает гостям шутливый альбом, проиллюстрированный лично Василием Львовичем и в котором про каждого из присутствующих придумана смешная, карикатурная история. Есть история и про загадочного поклонника Веры, его называют то телеграфистом, то трубочистом – вся ситуация выглядит комично, но сама княгиня нервничает. Ей не нравится эта шутка.

Гости начали постепенно расходиться. Генерал Аносов собрал вокруг себя в беседке всех оставшихся и еще некоторое время развлекал рассказами о своем военном прошлом, о любви, о сражениях. Потом он собирается идти пешком навстречу своему экипажу и сестры вызываются проводить его. Вера перед уходом тихо шепчет на ухо мужу о подарке и записке, просит прочесть ее.

Провожая генерала Аносова, они разговаривают с Верой о любви, о том, какая она бывает и как сильно женщинам хочется встретить на своем жизненном пути именно такую: пылкую, настоящую, всепоглощающую. Но ее, вероятно, вовсе не существует. Он говорит, что давно простил супругу, которая убежала от него вскоре после свадьбы с каким-то актером. Она рассказывает о странном поклоннике, следившем за ней и докучавшем задолго до свадьбы, о своей просьбе не беспокоить ее и о сегодняшнем подарке. Генерал заключает, что это либо какой-то сумасшедший маньяк, либо та самая любовь, о которой все мечтают.

Княгиня возвращается домой и застает брата в ярости от этого нахального ухажера. На семейном совете они решают узнать как-нибудь имя этого прохвоста и вернуть ему подарок. А заодно, хорошенько с ним поговорить о недопустимости дальнейших ухаживаний. На следующий день князь Василий Львович и Николай Николаевич отправились на квартиру к Желткову, который и был тем самым поклонником. Последний сообщает, что любит Веру Николаевну и ничего с собой сделать не может, но обещает покинуть город и оставить

семейство в покое. Напоследок просит разрешения у супруга княгини написать ей последнее письмо и получает разрешение. Ночью, перед сном Вера говорит, что предчувствует самоубийство этого несчастного.

Следующее утро приносит известие о гибели Желткова и это действительно самоубийство. Вскоре приходит и его последнее письмо к Вере, в котором он просит за все прощения и говорит о любви. Она плачет, ей очень жаль этого незнакомого ей человека. Показывает письмо мужу и просит разрешения поехать посмотреть на тело юноши. Супруг ей разрешает это сделать и сообщает, что этот мальчишка ее действительно любил, по-настоящему, беззаветно. Он не был сумасшедшим.

Вера Николаевна приходит в квартиру Желткова, чтобы проститься с ним. Понимает, что пропустила ту чистую, волшебную любовь, о которой говорил генерал Аносов. Оставляет красную розу в изголовье трупа и, уходя, получает от хозяйки квартиры клочок бумаги, на котором написана рукой юноши фраза о самой лучшей сонате Бетховена. Она плачет.

Возвращается поздно вечером домой и застает только пианистку Женни – свою давнюю подругу. Она очень рада ей и просит что-нибудь сыграть для нее. Женни играет ту самую Вторую сонату Бетховена, а в душе у Веры хаос. Она горько плачет. Понимает, что музыка сочетается с последними словами из письма молодого человека и каждая строчка заканчивается фразой: «Да святится имя Твое». Скорби княгини нет предела, ее душа разрывается.

Обеспокоенная пианистка спрашивает, что случилось, на что Вера Николаевна констатирует – он простил ее, теперь все хорошо.

Ю-Ю

Ее кличка была «Ю-ю», которую придумал трехлетний ребенок и изначально это был маленький пушистый комочек, пивший молочко из блюдечка, гонявшийся за мухами, смешно игравший лапкой с бумажками и собственным хвостом. Совершенно незаметно этот комок стал большой, гордой прекрасной кошкой, первой красавицей в городе.

Рассказ перемежается с обращением к маленькой Нике с наставлениями: не совать пальчик в рот, слушать внимательно, не крутить ушко Бобика, словно шарманку.

Чудесная кошка была каштанового цвета, с рыжими пятнами на груди, белым воротничком, пушистым хвостом и штанишками на задних лапках.

Далее длинное размышление о том, что каждое животное по-своему уникально. Будь то лошадь или гуси – умнее и преданнее их не найти.

Кошечка обладала своим особенным характером, спала в доме, где хотела, но больше любила газетные стопки. По утру ласково тыкалась мордочкой в лицо и говорила: «Муррм!» – это был ее способ общения. С помощью него она легко могла выразить восторг или негодование, радость или тревогу. Она никогда не мяукала, этого звука ей было достаточно. Краткое «Муррм» означало просьбу следовать за ней. Поутру она требовала открыть ей детскую, где спал четырехлетний мальчишка со своей матерью. Сначала Ю-ю здоровалась с хозяйкой, затем ловко запрыгивала в кроватку к мальчику, где приветствие было долгим и бурным.

Ю-ю никогда ничего не просила, но прекрасно знала время возвращения юноши из мясной, улавливала его шаги издалека и радостно устремлялась навстречу говядине. Мальчуган угощает ее свежим мясом, но погладить себя она не позволяет даже ему, ведь она – царица: наполовину сибирская, наполовину державная бухарская. Все, что не касается лично ее или ее дома – пустяк, на людей она смотрит повелительно холодно и иногда позволяет им быть рядом.

Автору нравится выполнять распоряжения пушистой красавицы: чем бы он ни был занят, если она хочет пить, то следует немедленно подчиниться, открыть воду или вовремя накрыть газетой, под которой она любит отдыхать. Приказания она отдает почти молча, одними глазами и коротеньким «Мррм». Когда автор работал по ночам, кошка неизменно оказывалась рядом. И вдруг, находились нужные слова, красиво укладывавшиеся в строчки. С этими строчками любила играть Ю-ю, воображая их маленькими мухами, ловила лапками, размазывая чернила. По ночам она послушно сворачивалась на одеяле.

Однажды заболел четырехлетний друг Ю-юшки – Коля. Ее не пускали к заболевшему и она преданно лежала несколько дней около двери, отлучаясь лишь поесть и немного прогуляться, но всегда возвращалась обратно и стерегла дверь. Через нее проходили, наступали на лапы и хвост, она тихонько взвизгивала, но все равно всегда оказывалась на прежнем месте. И только, когда кризис миновал, кошка покинула свой пост и долго спала в хозяйской кровати. Спокойно и торжественно приходила к Коле, чтобы приободрить его.

Совсем слабого от болезни Николая отправили вместе с матерью отдыхать в санаторий, а кошка никак не могла понять куда они подевались. Подходила и, глядя в упор желто-зелеными глазами, говорила: «Мик» – это новое ее слово, дескать, где они, куда уехали?

Расстроенная Ю-ю спала на жестком, холодном полу, отказывалась перейти на мягкий диван, она как-бы наказывала себя и, заодно, всех нас за то, что не могли ей помочь. Но однажды она услышала разговор по телефону, быстро сообразила что к чему и переселилась поближе к аппарату. В порядке эксперимента, автор попросил Николая поговорить по телефону с кошкой, чтобы проверить, узнает ли она его. Но на момент разговора мальчик забыл все ласковые слова и эта затея провалилась.

Вскоре Ю-ю умерла от старости. И теперь в доме живет новый кот-воркот, бархатный живот.

Слон

Одна маленькая девочка больна равнодушием к жизни. К ней каждый день приходят доктора и уговаривают мать заинтересовать чем-нибудь дочь. Но Надюше ничего не хочется. Не в силах ее развлечь и отец, который много курит и иногда плачет. Девочка слабеет с каждым днем, но у нее ничего не болит и нет высокой температуры. Ей просто скучно.

Но как-то поутру она просыпается гораздо живее обычного и просит у родителей слона. Ей немедленно покупают дорогую, красивую игрушку – слоника на ключике, которого можно завести и он будет шагать, шевелить хвостом и хоботом. Но Наденька расстроена. Ей нужен живой слон, хоть маленький. Отец вызывается исполнить просьбу дочери.

Он отправляется в зверинец и упрашивает немца – хозяина зоопарка отпустить к нему домой на время слона. На него смотрят, как на сумасшедшего, но он объясняет ситуацию и ему соглашаются пойти навстречу.

С большой помпой и толпой зевак, слона Томми ночью приводят в квартиру к маленькой девочке. Закрепляют его за крюк в стене, оставляют свежие овощи, а немец ложиться спать рядом с питомцем.

Утром Надя просыпается и сразу идет знакомиться со слоном. Он ей нравиться, хотя и гораздо больше по размеру, чем она представляла. Она знакомит его со всеми куклами, показывает картинки в книжке. Они вместе обедают. Слон очень добр и играет с девочкой. Они становятся настоящими друзьями. Так незаметно проходит день и совсем сонную и счастливую Надю относят на руках спать.

На следующий день она просыпается совершенно здоровой и спрашивают о слоне, но ей отвечают, что он был вынужден уйти, однако, ждет Надю к себе в гости. Девочка просит передать Томми, что она совсем скоро его навестит.

Белый пудель

По южному побережью Крыма странствует маленькая бродячая труппа. Возглавляет ее белый пудель – Арто, за ним идет двенадцатилетний мальчик Сергей с ковром под мышкой для акробатических упражнений и с клеткой со щеглом, который умеет вытаскивать бумажки с предсказаниями для зрителей. Замыкал труппу Мартын Лодыжкин с шарманкой на спине.

Эта шарманка неоднократно ремонтировалась, но все напрасно – она была просто слишком старой. Но Лодыжкин видел в ней почти живое существо и за много лет привязался к инструменту. Равно как и к пуделю и мальчику, которого выменял у забулдыги-сапожника за два рубля в месяц. Последний вскоре помер и мальчишка остался сиротой, накрепко привязавшись к дедушке.

День был знойным, безветренным и мальчик просит искупаться в море, но старик запрещает, приговаривая, что лучше уже дойти до Мисхора, а там и отдохнуть. Они подошли к дачному поселку, но их отовсюду гнали или платили очень-очень мало. Расстроенные, они подошли к последней даче, которую сразу не заметили и старик сообщил, что уж там-то им наверняка будут рады. Они зашли в ворота и прошли по хрустящему гравию к дому, как вдруг, оттуда выбежал маленький мальчик, повалился на спину и принялся колотить руками и ногами. Вокруг него собрались взрослые, но он не желал никого слушать. Лодыжкин и Сергей начали представление, но их быстро прервали и выгнали прочь. Однако, вскоре маленький барин, недавно устроивший истерику, повелел вернуть их обратно. Представление продолжилось. По его окончании, капризный ребенок заревел, что хочет собаку, но старик и мальчик не согласились продать Арто ни за какие деньги и их с угрозами грубо выгнали.

Вся труппа с наслаждением купается в море, охлаждаясь от полуденного зноя. Но внезапно, они замечают идущего к ним дворника с дачи, которой их недавно выгнали. Этот человек снова уговаривал их продать собаку и ему снова в этом отказали. Путники продолжили свой путь, скромно перекусили и их разморила усталость, они заснули. Проснувшись, не нашли собаку – ее украли. Они заплакали, но делать нечего. У старика был поддельный паспорт, а с такими документами они ничего сделать не могли. Пришлось смириться с потерей Арто.

Подавленные потерей близкого друга, старик и мальчик устроились на ночлег в маленькой турецкой кофейне. Когда Лодыжкин заснул, Сергей отправился снова в тот дом, чтобы вернуть свою собаку. Ценой неимоверных усилий ему это удалось и вдвоем они вновь вернулись в кофейню, где спал дедушка. Пес сразу радостно его разбудил, а мальчик, утомленный борьбой, сладко заснул.

Анафема

Дьяконица – маленькая тщедушная женщина совершенно руководит своим огромным мужем дьяком, который заставляет дрожать старинный собор под звуками своего голоса. Детей у них с женой нет, но как-то вместе живут, хотя он ее немного побаивается.

Дьякон отец Олимпий – страстный поклонник чтения. Он читает все и без разбору. Новыми книгами его снабжает студент из Вифанской академии Смирнов. Накануне тот принес ему повесть о солдатах-чеченцах, которые охотились, воевали и пили вино. Книга дьякону понравилась невероятно.

К началу службы он всегда немножко опаздывал, чувствовал себя знаменитостью, которой публика все прощает.

В этот раз во время богослужения, он внезапно вспомнил строчки из повести и пропел их, перемежая с молитвами. Восторженная публика внимала каждому его слову. Затем надо было прочесть проклятья и анафему на всех неверных и обидчиков церкви. Вместо того, чтобы это сделать, он своим зычным голосом провозгласил совсем другие вещи. Сюжет повести никак не шел у него из головы. Закончив, он просто вышел из храма и побрел прочь.

Его догнала жена – дьяконица с упреками и проклятиями, но он спокойно ответил, что в Бога искренне верит, а проклинать никого не намерен. Поэтому лучше ему поискать себе другое занятие в жизни.

Болото

Летний вечер плавно переходит в ночь, красные отблески зари еще освещают верхушки деревьев, но внизу уже темно и сыро. Отчетливо ощущается запах дыма с лесного пожарища. В свои права вступает ночь, мягко укрывая землю.

Два путника – землемер Жмакин и студент Николай Николаевич поздно бредут со съемки, но до дома еще очень далеко, поэтому принято решение заночевать в лесу у лесника Степана. Высокий и худой землемер идет быстрым шагом, а за ним еле успевая, плетется полный студент Сердюков, но первый намеренно не идет медленнее, ему нравятся страдания последнего.

На работу Жмакина позвала вдова-помещица Сердюкова, а ее сын вызвался добровольно помогать ему. Но слава о землемере была плохая: он часто и много пил, был мелочным, злым и никчемным. Задорная молодость, свежесть и болтливость студента его сильно раздражают. Грубо оборвав его очередную тираду, Жмакин устремился вперед. Внезапно, повеяло прохладой, как из подвала и землемер предупредил, что здесь болото. Только после его слов Николай Николаевич заметил, что идет по шаткой, зыбкой почве. Это была плотина, но по бокам от нее – настоящее болото.

Они заблудились, покричали леснику и через некоторое время вдалеке увидели его фонарь, который быстро приблизился и Степан помог им выйти из болота. Они оказались в его избе. Жмакин там ведет себя по-хозяйски, хамовато требует самовар и яичницу, а студент рассматривает жилище и пытается поговорить с детьми. Оказывается, что все они больны болотной лихорадкой из-за большой влажности от болота. Не помогают никакие лекарства, а дети гибнут один за другим. Но Степан отказывается куда-то переезжать, мотивируя это тем, что здесь все равно кто-то должен жить. Не он, так другие – разницы нет.

Угнетенный безвыходным положением этой семьи и общей безнадегой, студент, наконец, улегся спать. Землемер уже давно спал. А Сердюкову не спалось, он все думал об этих несчастных больных людях и что-то недоброе мистическое мерещилось ему. Внезапно раздался стук в окно и Степан нехотя встал с пола около печки, где спал. Оказалось, что пожар перекинулся в Кислинскую дачу и лесничий собирает всех лесников, поэтому и он пошел.

Ошеломленный Николай Николаевич тяжко размышляет о судьбе Степана, его жены и детей, спрашивает себя: почему они должны страдать? И не находит ответа. Равно как и не понимает, как очень больной лесник по первому слову собрался и безропотно пошел туда, куда его звали. Плотный белый болотный туман прочно укутывал домик лесника, за ним ничего нельзя было разобрать, ядовитым газом просачивался в двери и окна, отравляя все живое.

С первыми лучами рассвета студент спешно покидает эту странную хижину, чтобы поскорее пробежать всю дорогу обратно по болотной плотине на пригорок, наверх, подальше от этой гнили и тумана, к солнечному свету, чистому и здоровому воздуху.

Гамбринус

Такое название имела пивная, которая находилась в оживленном портовом городе южной России. Случалось, что и постоянные ее посетители каким-то образом проходили мимо этого заведения, поскольку найти его было непросто. Она располагалось под землей и входить в него следовало прямо с тротуара, спускаться вниз по каменным ступенькам, чтобы воочию лицезреть огромную статую короля Гамбринуса – покровителя всех пивоваров. Окон в пивной не было вовсе, а со стен постоянно стекала подземная влага, искрящаяся в свете газовых рожков – типичное подвальное заведение. Стены были украшены разнообразными картинками, столами служили большие пивные бочки, стульями – бочонки поменьше.

В этом заведении всегда было многолюдно, сменялись годы, хозяева пивной, многочисленные посетители, но на протяжении многих лет лишь два человека были неизменными посетителями «Гамбринуса» – музыкант-еврей Сашка с собакой Белочкой и буфетчица мадам Иванова – пожилая полная женщина, постоянно курившая и косившаяся на посетителей прищуренным от дыма глазом.

Гигантский международный порт был всегда очень оживленным местом, сюда постоянно заходили новые суда, можно было слышать речь на всех возможных языках мира, бесконечно сновали туда-сюда матросы, повсюду была ругань и грязь. Прибрежные таверны предоставляли морякам неограниченные возможности: перекусить, найти ночлег, продать все, что угодно и что-угодно купить, многочисленные кофейни предлагали всевозможные игры, а за стенами домов часто были целые казино, публичные дома. Это грязное и зловонное место магнитом манило к себе матросов, но еще больше, их манил город своими огнями и обещаниями славного веселья. Однако, подняться наверх, в чистый, сверкавший своими витринами и куполами соборов, город отваживались немногие. Посещение «Гамбринуса» было традицией, нарушать которую не хотелось, а потому, зачастую отважные смельчаки по ночам тихонько выбирались в самый центр города к заветному заведению. Причем, знали больше Сашку-еврея, чем само название пивной.

Музыкант-Сашка всегда приходил в пивную, когда там было еще мало посетителей, приветствовал мадам Иванову и играл что-то еврейское и печальное. Вскоре подтягивались любители пива и музыкальный репертуар становился веселее и богаче. В конце концов, гостей собиралось так много, что было тяжело дышать отпьяный испарений толпы. Сашка был нарасхват, пьяные голоса постоянно умоляли его сыграть что-то свое, ему давали серебряные монеты и он по очереди исполнял все заказанные песни. Мужчины звали его к себе, чтобы угостить пивом, а женщины строили ему глазки и кокетничали. Талантливый музыкант умел так подобрать мелодию, что вся самая интернациональная публика была довольна, нахваливала его и восхищалась им. Не смущала пьяный люд ни теснота, ни разлитое пиво, ни отдавленная нога – все были пьяны и счастливы. Однажды друг Сашки уговорил профессора музыкального училища зайти послушать его талант, но музыкант догадался об этом и специально играл из рук вон плохо, поэтому профессор был недоволен.

Пили в «Гамбринусе» очень-очень много. Туда часто наведывались компании после успешного завершения дела, будь-то воровские шайки или матросы после удачного улова, или компании английских моряков – для всех них Сашка умел сыграть что-то свое, так что никто не чувствовал себя лишним. А танцы любили особенно, отдавались этому занятию полностью и отплясывали джигу так, что пол пивной ходил ходуном от тяжелых сапог. Все посетители хорошо знали музыканта и непрерывно к нему обращались по разным поводам: сыграть ли песню, одолжить ли небольшую сумму. И Сашка всегда удовлетворял их запросы.

Пускай, долгов ему напрямую не возвращали, но в период кутежа этот заем возвращался к нему сторицей в виде потока серебряных монет за музыку.

Песенный репертуар «Гамбринуса» был всегда созвучен политическим настроениям в стране, поэтому популярными становились то «Бурский марш», то «Марсельеза», то еще что-нибудь без названия. Между тем, началась русско-японская война и в моду вошла Балаклавская печальная мелодия. В пивной люди часто спорили о войне, обсуждали ее и иногда, даже дрались. Но однажды Сашка пришел в «Гамбринус» очень рано и сообщил всем, что его забирают в солдаты. Это известие повергло посетителей в шок, но понимали, что помочь ему никак нельзя. Поэтому в тот же вечер он подарил свою скрипку смельчаку, вызвавшемуся идти на войну за него, а собака Белочка была доверена мадам Ивановой. Сам Сашка в тот вечер напился до бесчувствия.

С уходом такого талантливого музыканта, «Гамбринус» будто осиротел. Дела пошли очень плохо. Ни один исполнитель не мог там прижиться надолго. Дольше всех терпели Лешку-гармониста. Сначала Сашку вспоминали часто, потом все реже и реже. В конце концов, через два года его имя и вовсе почти не упоминали. Но случилось так, что Сашка вернулся с войны целым и невредимым. Весть об этом электрическим током разнеслась среди всех почитателей его таланта и тем вечером в пивной был аншлаг небывалый. Лешку-гармониста выкинули за дверь и чуть не поколотили, а радости от встречи с Сашкой не было предела. Лишь мадам Иванова заметила, что глаза музыканта стали грустнее, хотя он и гримасничал, как раньше.

Какое-то время все вернулось на круги своя. Но не надолго. Началась коммунистическая пропаганда. Люди ходили в красном. Но потом город вдруг стал чужим сам для себя, боялись говорить, боялись думать. Никто ни с кем не дружил и не разговаривал. Развернулись гонения на евреев, но Сашку никто не трогал. Только однажды на него замахнулся безумный оголтелый коммунист каменщик, но его быстро осадили. В бессильной злобе, что ему не дали убить жида, он жестоко убил Белочку, вертевшуюся у ног еврея.

Времена наступили совсем страшные. По городу сновали сыщики, вели себя нагло, развязно, грабили и убивали безнаказанно. Однажды десять таких человек зашло в «Гамбринус» и один из них серьезно оскорбил Сашку, который не смолчал и сломал о хама свою скрипку. Вскоре музыканта забрали в Бульварный участок. И все решили, что теперь ему точно конец, зная о жестокости этого места.

Через три месяца Сашка вновь объявился в «Гамбринусе», худой, заросший, изможденный и с изуродованной рукой. Его вновь приветствовали, не веря своим глазам. А он изловчился играть на губной гармошке, раз прежняя скрипка теперь недоступна. Можно уничтожить человека, но искусство и талант – никогда.

Изумруд

Так зовут четырехлетнего бегового жеребчика американского склада, серебристо-стальной масти. Он просыпается около двенадцати, как обычно. Напротив и по сторонам от него лошади смачно хрустели сеном, фыркая от пыли. По храпу он определяет, что дежурный конюх – Василий – молодой человек, часто курящий вонючий табак, кричащий и бьющий лошадей.

Напротив от него располагалась молодая вороная кобылка Щеголиха. Его волновал запах ее тела и лукавый взгляд. А справа располагался старый бурый жеребец Онегин, ревновавший молодую лошадку. Они часто ссорятся из-за нее.

Увлекшись едой, Изумруд вспоминает, что накануне сено и овес задавал конюх Назар – хороший пожилой человек, но его руки дрожали при управлении вожжами, а движения были не точны. Василия не любила ни одна лошадь, как бы криклив и драчлив он ни был. Все знали, что он – трус. Третий конюх был получше предыдущих, но не любил лошадей, а потому, не мог рассчитывать на взаимность. Четвертый – Андрияшка – совсем еще мальчишка и ведет себя соответственно: играет с лошадьми, как с куклами и смешно целует в морду. То ли дело худощавый бритый человек с золотыми очками, который никогда не кричит и не ругается, но одними пальцами способен заставить лошадь делать, что угодно.

Молодому жеребцу вспомнилась дорога на ипподром, зеленая травка, желтый песочек, бегущие галопом лошади и травма трехлетнего каракового коня, подвернувшего ногу и теперь хромавшего. Случайный клок сена с необыкновенным ароматом, вдруг, возбудил в уме первого какое-то давно забытое воспоминание, но так его и не вспомнив, он задремал.

Изумруд всегда спит стоя, ему снится собственное детство, радость от ясного солнца, голубого неба, молодецкой удали, мать – костлявая спокойная кобыла, сладость ее молока и материнской заботы. Наступил рассвет, лошади знают, что сейчас все конюхи соберутся, чтобы дать им овса, поэтому нетерпеливо ржут. Жеребчик жадно принимается за угощение, замечая солнечные полоски света через дверь конюшни.

После завтрака его вывели на улицу, окатили несколькими ведрами холодной воды, высушили, вычистили щетками и вытерли шерстяной рукавицей. Это был день скачек. Пришел высокий, худой англичанин в золотых очках. Его уважали и боялись. Этот странный, но добрый, внимательный человек особенно обращает внимание на упряжку Изумруда, лично все проверяя. Конь горд такой честью. Потом на всех лошадей надевают серые попоны с красными рисунками и ведут на ипподром. Там уже собралось много людей и лошадей, которых водят по кругу против часовой стрелки перед забегом. Молодой жеребец узнает товарища – белого жеребчика и тихонько приветствует его.

Изумруда запрягли в колесницу-американку и уверенной рукой направили на разминку. Он выучен настоящей американской выездке и теперь с наслаждением носится по кругу. Рядом разминается и стройная гнедая кобылка. Жеребец пытается с ней заиграть, но англичанин не позволяет.

Наконец, начинается сам забег: соперник Изумруда – огромный вороной жеребец, рядом же, бежит белый молодой жеребчик. Могучие и мудрые руки грамотно направляют лошадь и Изумруд без труда оставляет всех далеко позади. Он победил. Через несколько минут, его, уже распряженного, вновь приводят на ипподром, к нему сбегаются люди, но они чем-то сильно недовольны, кричат и ругаются.

Изумруд вернулся домой, где получил свой положенный овес, но на бега и разминки его брать перестали. Зато, стали приходить незнакомые люди, для которых его выводили во двор и прогуливались с ним. Эти люди тоже все время кричали друг на друга, ощупывая лошадь со всех сторон.

Однажды поздним вечером его вывели из конюшни, провели по улицам города на вокзал, посадили в вагон и куда-то далеко отвезли. Долго вели по незнакомой дороге и заперли в чужой конюшне. Его от кого-то скрывали. Конь тосковал по бегам, его молодому телу не хватало движения. К нему, по-прежнему, приходили какие-то люди, ощупывали его и ругались. Потом главный конюх этой конюшни принес ему какого-то странного овса. Изумруд послушно поел его. Внезапно, ему стало очень плохо, он упал и умер.

Молох

Раздается оглушительный рев заводского гудка перед началом рабочего дня. Серый рассвет дождливого августовского дня делает его зловещим и угрожающим. Изрядно физически и морально истощенный, инженер Бобров в это время пьет чай. Он пытается избавиться от давней привычки впрыскивать себе под кожу морфий. Бессонница жестоко мучает его.

В семь часов утра он вышел из дома, направляясь на завод. Нервный и подавленный, он чувствовал, что товарищи не в состоянии понять его переживаний. А работа давно уже внушала ему отвращение и, даже, какой-то страх. Андрей Ильич не приспособлен для инженерного дела по складу характера и ушел бы из института на первых курсах, если бы не желание матери. Нежная, ранимая душа этого человека глубоко страдала от такого рода занятий. Он был невысокого роста, худой и с некрасивым лицом, но улыбка волшебным образом делала его черты мягче и он становился гораздо миловиднее.

Завод был действительно огромен: занимал площадь в пятьдесят квадратных верст и больше напоминал отдельный город. Шум, лязг, суета и тяжкий запах серы, смешанный с железным угаром, царили на нем. Маленькие поезда без конца сновали во всех направлениях, а на окраине завод стоял длинный товарный поезд и рабочие разгружали его. Оттуда то и дело сыпались целым потоком кирпичи, лязгало железо, летели тонкие доски. Постоянный монотонный гул тысяч звуков наполнял окрестности. Это было страшное, но величественное место.

Нынче Бобров чувствовал себя особенно нехорошо и ему было стыдно за свой чистый внешний вид, глядя на измазанных сажей рабочих.

От наблюдения за работой сварочной печи, инженера отвлекает сослуживец Свежевский – нервный и не приятный тип, сообщающий о похвале Боброва директором и настоятельной просьбе быть на вокзале к приходу двенадцатичасового поезда. Ожидают прибытие члена правления Квашнина – очень толстого, высокого, рыжего человека с громогласным голосом.

После работы на заводе, Бобров наскоро обедает и едет верхом на казенной гнедой донской лошади Фарватере в гости к Зиненкам. Глава семьи Зиненок занимал на заводе должность заведующего складом, был внешне добродушным, но очень пронырливым типом: льстил начальству и сурово обращался с подчиненными. Этот гигант был во всем послушен жене – маленькой женщине с крошечными серыми глазками. А еще, у него было пять дочерей: Мака, Бета, Шурочка, Нина и Кася. И каждая из них играла свою социальную роль в семье: Мака – считалась простодушной и с ангельским характером; Бета – носила пенсне, ходила странной ныряющей походкой и считалась умницей; Шурочка увлекалась игрой в дураки со всеми неженатыми инженерами завода, она жеманно кокетничала, а когда предыдущий кавалер собирался жениться, то негодовала и досадовала, избирая себе новую жертву. Нина была любимицей в семье, фигура ее была лучше, чем у сестер, лицо – миловидным, на нее возлагали большие надежды, а потому, часто баловали. Кася была четырнадцатилетним подростком, но выше матери и всех сестер, с впечатлительными формами рано созревшей девочки.

Весь завод знал об этой семье, там часто бывали молодые инженеры и студенты-практиканты, воспринимавшие их дом как гостиницу, где можно хорошо поесть, много выпить, но ни один из них не собирался жениться ни на одной из девиц.

Боброва в семье не любят, но ему нравится Нина. Он скучает по ней, если не видит ее несколько дней, но она же его и утомляет от встреч в течение нескольких дней подряд. Тем не менее, он даже подумывает ей сделать предложение. Когда Андрей Ильич подъез-

жает к Шепетовке – дому Зиненок, его встречает Нина в желтой кофточке, насмехается над Фарватером и проводит в гостиную к матери. Та притворяется, что рада видеть гостя и предлагает чай, но инженер отказывается. Они с девушкой присоединяются к компании молодежи, но вскоре остаются одни. Боброву кажется, что он любит Нину и твердо решает на ней жениться, хотя ему и не нравится ее механическая заученность фраз и узкость мышления с бедным словарным запасом.

Во время беседы о предстоящем визите Квашнина, упоминается его огромный годовой заработок – триста тысяч. Эта сумма кажется всем собравшимся почти астрономической, а Анна Афанасьевна – мать Нины мечтательно выговаривает как хорошо было бы выдать ее за него замуж. Уязвленный Бобров одевается и незаметно уходит. Он расстроен.

Подъезжая к дому, замечает свет в своих окнах и поминает, что это доктор Гольдберг – молодой еврей, с которым они успели подружиться. Андрей Ильич не в духе и краем уха слушает истории из врачебной практики друга. Видя это, доктор предлагает подремать немного, приняв пару ложек брома. Они ложатся в одной комнате, но обоим не спится. Наконец, инженер объясняет Осипу Осиповичу, что ужасно устал от этой работы на заводе, что она ему не нравится и он вообще ее считает бесполезной. Доктор возражает, что надо как-то приспосабливаться. Они ожесточенно спорят и Бобров называет завод Молохом, который постоянно требует теплой человеческой крови, сравнивая с древним богом огня и войны, которому тоже приносили человеческие жертвоприношения. Инженер так исступленно доказывает врачу, что завод каждый день забирает по двадцать лет жизни человека, что последний его начинает считать сумасшедшим. Ему жаль друга, но он и начинает его бояться, поскольку он действительно безумен.

На следующий день прибыл Василий Терентьевич Квашнин. Его приехало встречать все руководство завода и семья Зиненко. Бобров пытается объясниться с Ниной, но этому мешает прибытие члена правления. Безобразно толстый и ленивый, он замечает Нину и расспрашивает о ней. Просит его ей представить.

По поводу закладки каменных работ и открытия кампании новой домны планируются пышные торжества. Квашнин специально пригласил из Петербурга и других членов правления, чтобы произвести на них впечатление мощью завода. Это нужно, чтобы правление одобрило выпуск облигаций, выгодных для Квашнина. Гости поражены и шокированы. Потом они все пошли на торжественный обед. Андрей Ильич смотрит на работу печи, когда к нему сзади неслышно подходит друг – Гольдберг. Они беседуют о том, что пока одни говорят возвышенные тосты и обедают, другие живут в нищете. А в городе уже два случая заражения брюшным тифом и оба с летальным исходом. Того и гляди, эпидемия начнется.

Тем временем, Квашнин стал завсегдатаем в гостях у Зиненок, дарил барышням подарки, вел себя бесцеремонно и грубовато, но хозяйке не хватало ни такта, ни смелости осторожно намекнуть об этом гостю. Она жеманно улыбалась, а девицы и вовсе были счастливы всяким безделушкам. Также постоянным гостем стал Свежевский, подобострастно служивший и льстивший Квашнину. А Бобров скучал по Нине и мечтал с ней встретиться. Они действительно встретились во время прогулки на лошадях и девушка пригласила инженера на пикник, устроенный Василием Терентьевичем. Была так мила и ласкова с ним, что он поверил во взаимность любви.

На пикник собралось множество народу, около девяноста человек. Бобров ожидал на вокзале Нину и рассчитывал на ее влюбленные знаки внимания, сам собирался ей их оказывать. Но Нина ведет себя странно: она серьезнее обычного, холодна и держится отстраненно. Инженер старается не обращать на это особого внимания, теша себя иллюзиями, что она стесняется толпы и не хочет при всех показать свои чувства к нему. У него замечательное настроение. Но оно стремительно сменяется ощущением чего-то нехорошего от поведения Нины.

Сам праздник на природе был организован в восьмигранном павильоне с круглой площадкой для танцев неподалеку. Молодежь весело отплясывала и смеялась. А Андрею Ильичу никак не удается поговорить с Ниной, она избегает его. Наконец, они объясняются и девушка говорит, что им нужно навсегда расстаться. Бобров ошеломлен и расстроен. Чувствует себя чужим среди всей этой веселящейся толпы. Сзади подходит друг-доктор и уговаривает гнать прочь тоску. Уводит его в шатер, где они с Андреа напиваются коньяком, но душевная боль инженера не проходит, а только усиливается. В это время Квашнин объявляет о помолвке Нины и Свежевского, а Андреа добавляет, что со следующего месяца жених станет председателем правления. Не успел он договорить, как спешно прискакал десятник с сообщением о том, что на заводе беспорядки, а самое лучшее для всех, теперь разъехаться по домам. У всех шок и расстройство, спокоен только Андреа, который говорит, что так и знал, что этого не миновать.

Началось поспешное отбытие всей компании, сопровождавшееся давкой и хаосом. Первым уехал Квашнин. За ним и все остальные. Бобров подгонял кучера Митрофана скорее ехать на завод. Подъехав ближе, они увидели, что рабочие его подожгли. Кто-то кинул камень, попавший прямо в висок Андрею Ильичу, очень серьезно его ранив. Обезумевший от сердечных страданий и потери крови, он блуждал по заводу, собираясь взорвать его.

Утром он пришел в заводскую больницу и попросил Гольдберга инъекцию морфия. Он больше не в силах был это все выносить.

Allez!

Именно это слово – первое воспоминание мадмуазель Норы из ее мрачного, бродячего детства. Оно вызывает в памяти холод, вонь конюшни, тяжкий галоп лошади и свист удара хлыстом.

Во время обычной дневной работы в цирке, на пустых трибунах в первом ряду сидят тепло одетые артисты в шубах, а маленькая девочка, дрожа от холода и страха выучивается ловко ездить на огромной белой лошади, мчащей ее по кругу. А коренастый мужчина с цилиндром на голове и закрученными в ниточку усами, командует: Allez!

Или вот, она под самым куполом цирка и ей необходимо соскочить вниз, в крепкие руки жонглера, но страх и оцепенение сковывают ее сердце. Крик: Allez! И она выполняет любое поручение: скользит по живой пирамиде из людей, разгуливает очень высоко над землей по тоненькой проволоке… И для людей, и для дрессированных животных один этот возглас: Allez! – значит очень многое и команду повиноваться.

Ей едва минуло шестнадцать лет и она была очень хороша собой. Но однажды, она срывается с воздушного турника и с огромной высоты падает вниз. В бессознательном состоянии ее относят за кулисы, где приводят в чувство и безжалостно заставляют снова выходить на арену цирка, чтобы успокоить почтенную публику.

Тот сезон был примечателен тем, что в цирке работал знаменитый клоун Менотти, который был по-настоящему известен, хорошо зарабатывал и носил дорогие костюмы. Едва Нора вылечила свою вывихнутую руку и пришла на утреннюю репетицию, Менотти участливо спросил ее о здоровье, держа за руку. Девушке не очень понравилось такое обхождение, она высвободила руку и покраснела до ушей.

Вскоре Менотти пригласил ее на ужин в ту великолепную гостиницу, где он всегда останавливался и она не смела возразить, считая его кем-то вроде высшего существа, полубога.

В течение года Нора ездит с ним из города в город, выполняя роль, скорее, служанки, которой хозяин разрешает себя обожать. Потом она ему надоела и он ее выгнал, перед этим хорошенько поколотив. Но она не мыслила жизни без него и снова вернулась к нему, хотя и знала, что Менотти приглянулась другая артистка и сейчас он с ней.

Пересиливая страх, она поднялась к нему в кабинет, где он был с другой женщиной, с силой распахнула дверь и увидела вино, свечи, фрукты, полуобнаженную англичанку и неожиданно набросилась на нее с кулаками. Менотти едва разнял их. Нора кинулась перед ним на колени, умоляя принять обратно, но он очень грубо приказал ей убираться. Тогда она замечает открытое окно. Повисает, держась руками за рамы над огромной высотой. Потом, вдруг, говорит: Allez! – и отпускает руки.

Тапёр

Тиночка Руднева забегает, запыхавшись в комнату старших сестер, которые готовятся к предстоящему вечеру, с расспросами о том, где тапер. Она оббегала уже весь дом, но никто из прислуги ей так и не ответил на этот вопрос.

Старшая сестра – Лидия Аркадьевна не любила шума и гневно отчитала младшую сестру, которую недолюбливала. Тогда Тина обратилась к средней – Татьяне Аркадьевне с просьбой помочь и та милостиво согласилась.

Девушка только в этом году была допущена семейством к елке, тогда как в предыдущее Рождество, ее запирали в комнате с самой младшей – Катей и другими сверстницами, уверяя, что никакой елки нет. Поэтому сейчас она чувствовала себя почти такой же взрослой, как и старшие сестры, носилась по дому и очень нервничала перед торжеством.

Дом Рудневых – большой и ветхий, еще доекатерининской постройки, со львами на воротах и широким подъездным двором, был постоянно полон народу. Приходили часто без приглашения, наведывались неведомые прежде родственники и гостили месяцами, а уж многочисленных друзей и товарищей было вовсе не счесть. На каждый праздник весь огромный рудневский дом заполнялся разновозрастной, веселой молодежью и воцарялась полная анархия, доводившая до исступления всю прислугу. Каждый занимался, чем хотел и развлекал себя как мог, поэтому когда одни заканчивали обед, другие – только пили утренний чай. Со стола никогда не убирали, но шумная молодежь все равно умудрялась проголодаться и засылала к повару Акинфычу делегацию с просьбой приготовить что-нибудь вкусненькое.

Хозяйка дома – Ирина Алексеевна Руднева выходила из своих комнат крайне редко и только по особо торжественным случаям. Будучи урожденной княжной Ознобишиной, она считала для себя слишком грубым общество мужа и детей. Но отчаянно ревновала супруга, хотя и не показывала этого. Руднев Аркадий Николаевич – гурман, игрок, покровитель балета и непревзойденный дамский угодник, несмотря на пятьдесят с лишним лет. Дома он почти не бывал, предпочитая общество Английского клуба, а потому всегда бывал окружен большим количеством народа. Иногда ему нравилось неожиданно явиться перед домашней молодежью, затеять с ними какую-нибудь игру и самому в ней участвовать. Ни с кем и никогда они не веселились так, как с ним. Ежегодная елка доставляла ему особенную радость и никто, лучше него не мог все продумать и организовать.

Традиционно, всегда приглашали оркестр Рябова, но в этом году этого сделать не получилось, а потому, Аркадий Николаевич велел разыскать хорошего тапера, но кому именно это приказал, он не помнил. Тем временем, Тина успела переполошить весь дом и ситуацию разрешила Татьяна Аркадьевна, отправив Дуняшу на поиски тапера. Начали съезжаться гости. Единственным музыкантом, которого находит служанка, является маленький и очень худой мальчишка. Лидия Аркадьевна сомневается в его способностях, но Татьяна уговаривает дать ему шанс, тем более, что других вариантов нет. Не давая сестрам опомниться, Тина увлекает молодого человека в гостиную, где уже собрались взрослые и усаживает его за рояль.

Выпускник реального училища играет так хорошо, что из кабинета выходит даже Аркадий Николаевич, чтобы его послушать и хвалит талант молодого человека. Последний представляется Юрием Азагаровым. В доме начинается настоящее веселье, все рассматривают подарки, радуются елке и прекрасной музыке.

Еще во время игры на рояле, мальчик замечает фигуру странного пожилого человека, которому все кланяются в почтении. Лицо и манера поведения этого человека властные, не терпящие возражений. Он уходит в кабинет к Аркадию Николаевичу и они о чем-то там разговаривают, после чего этот странный человек просит юношу что-нибудь сыграть. Слушает

его и исчезает. А хозяин дома вручает Азагарову конверт с деньгами и велит следовать за пожилым мужчиной, которого зовут Антон Григорьевич Рубинштейн.

Вскоре молодой человек прославился на всю страну, благодаря выдающемуся учителю. Но навсегда запомнил этот эпизод и эту удивительную судьбоносную встречу на рождественской елке в доме Рудневых.

Молох

Заводский гудок протяжно ревел, возвещая начало рабочего дня. Густой, хриплый, непрерывный звук, казалось, выходил из-под земли и низко расстилался по ее поверхности. Мутный рассвет дождливого августовского дня придавал ему суровый оттенок тоски и угрозы. Гудок застал инженера Боброва за чаем. В последние дни Андрей Ильич особенно сильно страдал бессонницей. Вечером, ложась в постель с тяжелой головой и поминутно вздрагивая, точно от внезапных толчков, он все-таки забывался довольно скоро беспокойным, нервным сном, но просыпался задолго до света, совсем разбитый, обессиленный и раздраженный. Причиной этому, без сомнения, было нравственное и физическое переутомление, а также давняя привычка к подкожным впрыскиваниям морфия, – привычка, с которой Бобров на днях начал упорную борьбу. Теперь он сидел у окна и маленькими глотками прихлебывал чай, казавшийся ему травянистым и безвкусным. По стеклам зигзагами сбегали капли. Лужи на дворе морщило и рябило от дождя. Из окна было видно небольшое квадратное озеро, окруженное, точно рамкой, косматыми ветлами, с их низкими голыми стволами и серой зеленью. Когда поднимался ветер, то на поверхности озера вздувались и бежали, будто торопясь, мелкие, короткие волны, а листья ветел вдруг подергивались серебристой сединой. Блеклая трава бессильно приникала под дождем к самой земле. Дома ближайшей деревушки, деревья леса, протянувшегося зубчатой темной лентой на горизонте, поле в черных и желтых заплатах – все вырисовывалось серо и неясно, точно в тумане. Было семь часов, когда, надев на себя клеенчатый плащ с капюшоном, Бобров вышел из дому. Как многие нервные люди, он чувствовал себя очень нехорошо по утрам: тело было слабо, в глазах ощущалась тупая боль, точно кто-то давил на них сильно снаружи, во рту – неприятный вкус. Но всего больнее действовал на него тот внутренний, душевный разлад, который он примечал в себе с недавнего времени. Товарищи Боброва, инженеры, глядевшие на жизнь с самой несложной, веселой и практической точки зрения, наверно, осмеяли бы то, что причиняло ему столько тайных страданий, и уж во всяком случае не поняли бы его. С каждым днем в нем все больше и больше нарастало отвращение, почти ужас к службе на заводе. По складу его ума, по его привычкам и вкусам ему лучше всего было посвятить себя кабинетным занятиям, профессорской деятельности или сельскому хозяйству. Инженерное дело не удовлетворяло его, и, если бы не настоятельное желание матери, он оставил бы институт еще на третьем курсе. Его нежная, почти женственная натура жестоко страдала от грубых прикосновений действительности, с ее будничными, но суровыми нуждами. Он сам себя сравнивал в этом отношении с человеком, с которого заживо содрали кожу. Иногда мелочи, не замеченные другими, причиняли ему глубокие и долгие огорчения. Наружность у Боброва была скромная, неяркая… Он был невысок ростом и довольно худ, но в нем чувствовалась нервная, порывистая сила. Большой белый прекрасный лоб прежде всего обращал на себя внимание на его лице. Расширенные и притом неодинаковой величины зрачки были так велики, что глаза вместо серых казались черными. Густые, неровные брови сходились у переносья и придавали этим глазам строгое, пристальное и точно аскетическое выражение. Губы у Андрея Ильича были нервные, тонкие, но не злые, и немного несимметричные: правый угол рта приходился немного выше левого; усы и борода маленькие, жидкие, белесоватые, совсем мальчишеские. Прелесть его в сущности некрасивого лица заключалась только в улыбке. Когда Бобров смеялся, глаза его становились нежными и веселыми, и все лицо делалось привлекательным. Пройдя полверсты, Бобров взобрался на пригорок. Прямо под его ногами открылась огромная панорама завода, раскинувшегося на пятьдесят квадратных верст. Это был настоящий город из красного кирпича, с лесом высоко торчащих в воздухе закопченных труб, – город, весь пропитанный запахом серы и железного угара,

оглушаемый вечным несмолкаемым грохотом. Четыре доменные печи господствовали над заводом своими чудовищными трубами. Рядом с ними возвышалось восемь кауперов, предназначенных для циркуляции нагретого воздуха, – восемь огромных железных башен, увенчанных круглыми куполами. Вокруг доменных печей разбросались другие здания: ремонтные мастерские, литейный двор, промывная, паровозная, рельсопрокатная, мартеновские и пудлинговые печи и так далее. Завод спускался вниз тремя громадными природными площадями. Во всех направлениях сновали маленькие паровозы. Показываясь на самой нижней ступени, они с пронзительным свистом летели наверх, исчезали на несколько секунд в туннелях, откуда вырывались, окутанные белым паром, гремели по мостам и, наконец, точно по воздуху, неслись по каменным эстакадам, чтобы сбросить руду и кокс в самую трубу доменной печи. Дальше, за этой природной террасой, глаза разбегались на том хаосе, который представляла собою местность, предназначенная для возведения пятой и шестой доменных печей. Казалось, какой-то страшный подземный переворот выбросил наружу эти бесчисленные груды щебня, кирпича разных величин и цветов, песчаных пирамид, гор плитняка, штабелей железа и леса. Все это было нагромождено как будто бы без толку, случайно. Сотни подвод и тысячи людей суетились здесь, точно муравьи на разоренном муравейнике. Белая тонкая и едкая известковая пыль стояла, как туман, в воздухе. Еще дальше, на самом краю горизонта, около длинного товарного поезда толпились рабочие, разгружавшие его. По наклонным доскам, спущенным из вагонов, непрерывным потоком катились на землю кирпичи; со звоном и дребезгом падало железо; летели в воздухе, изгибаясь и пружинясь на лету, тонкие доски. Одни подводы направлялись к поезду порожняком, другие вереницей возвращались оттуда, нагруженные доверху. Тысячи звуков смешивались здесь в длинный скачущий гул: тонкие, чистые и твердые звуки каменщичьих зубил, звонкие удары клепальщиков, чеканящих заклепы на котлах, тяжелый грохот паровых молотов, могучие вздохи и свист паровых труб и изредка глухие подземные взрывы, заставлявшие дрожать землю. Это была страшная и захватывающая картина. Человеческий труд кипел здесь, как огромный, сложный и точный механизм. Тысячи людей – инженеров, каменщиков, механиков, плотников, слесарей, землекопов, столяров и кузнецов – собрались сюда с разных концов земли, чтобы, повинуясь железному закону борьбы за существование, отдать свои силы, здоровье, ум и энергию за один только шаг вперед промышленного прогресса. Нынешний день Бобров особенно нехорошо себя чувствовал. Иногда, хотя и очень редко – раза три или четыре в год, у него являлось весьма странное, меланхолическое и вместе с тем раздражительное настроение духа. Случалось это обыкновенно в пасмурные осенние утра или по вечерам, во время зимней ростепели. Все в его глазах приобретало скучный и бесцветный вид, человеческие лица казались мутными, некрасивыми или болезненными, слова звучали откуда-то издали, не вызывая ничего, кроме скуки. Особенно раздражали его сегодня, когда он обходил рельсопрокатный цех, бледные, выпачканные углем и высушенные огнем лица рабочих. Глядя на их упорный труд в то время, когда их тела обжигал жар раскаленных железных масс, а из широких дверей дул пронзительный осенний ветер, он сам как будто бы испытывал часть их физических страданий. Ему тогда становилось стыдно и за свой выхоленный вид, и за свое тонкое белье, и за три тысячи своего годового жалованья…

II

Он стоял около сварочной печи, следя за работой. Каждую минуту громадный пылающий зев печи широко раскрывался, чтобы поглощать один за другим двадцатипудовые «пакеты» раскаленной добела стали, только что вышедшие из пламенных печей. Через четверть часа они, протянувшись с страшным грохотом через десятки станков, уже складывались на другом конце мастерской длинными, гладкими, блестящими рельсами. Кто-то тронул Боброва сзади за плечо. Он досадливо обернулся и увидел одного из сослуживцев – Свежевского. Этот Свежевский, с его всегда немного согнутой фигурой, – не то крадущейся, не то кланяющейся, – с его вечным хихиканьем и потираньем холодных, мокрых рук, очень не нравился Боброву. В нем было что-то заискивающее, обиженное и злобное. Он вечно знал раньше всех заводские сплетни и выкладывал их с особенным удовольствием перед тем, кому они были наиболее неприятны; в разговоре же нервно суетился и ежеминутно притрогивался к бокам, плечам, рукам и пуговицам собеседника. – Что это вас, батенька, так давно не видно? – спросил Свежевский; он хихикал и мял в своих руках руку Андрея Ильича. – Все сидите и книжки почитываете? Почитываете все? – Здравствуйте, – отозвался нехотя Бобров, отымая руку. – Просто мне нездоровилось это время. – У Зиненко за вами все соскучились, – продолжал многозначительно Свежевский. – Отчего вы у них не бываете? А там третьего дня был директор и о вас справлялся. Разговор зашел как-то о доменных работах, и он о вас отзывался с большой похвалой. – Весьма польщен, – насмешливо поклонился Бобров. – Нет, серьезно… Говорил, что правление вас очень ценит, как инженера, обладающего большими знаниями, и что вы, если бы захотели, могли бы пойти очень далеко. По его мнению, нам вовсе не следовало бы отдавать французам вырабатывать проект завода, если дома есть такие сведущие люди, как Андрей Ильич. Только… «Сейчас что-нибудь неприятное скажет», – подумал Бобров. – Только, говорит, нехорошо, что вы так удаляетесь от общества и производите впечатление замкнутого человека. Никак не поймешь, кто вы такой на самом деле, и не знаешь, как с вами держаться. Ах, да! – вдруг хлопнул себя по лбу Свежевский. – Я вот болтаю, а самое важное позабыл вам сказать… Директор просил всех быть непременно завтра к двенадцатичасовому поезду на вокзале. – Опять будем встречать кого-нибудь? – Совершенно верно. Угадайте, кого? Лицо Свежевского приняло лукавое и торжествующее выражение. Он потирал руки и, по-видимому, испытывал большое удовольствие, готовясь сообщить интересную новость. – Право, не знаю, кого… Да я и не мастер вовсе угадывать, – сказал Бобров. – Нет, голубчик, отгадайте, пожалуйста… Ну, хоть так, наугад, кого-нибудь назовите… Бобров замолчал и стал с преувеличенным вниманием следить за действиями парового крана. Свежевский заметил это и засуетился еще больше прежнего. – Ни за что не скажете… Ну, да я уже не буду вас больше томить. Ждут самого Квашнина. Фамилию он произнес с таким откровенным подобострастием, что Боброву даже сделалось противно. – Что же вы тут находите особенно важного? – спросил небрежно Андрей Ильич. – Как «что же особенного»? Помилуйте. Ведь он в правлении, что захочет, то и делает: его, как оракула, слушают. Вот и теперь: правление уполномочило его ускорить работы, то есть, иными словами, он сам себя уполномочил к этому. Вы увидите, какие громы и молнии у нас пойдут, когда он приедет. В прошлом году он постройку осматривал – это, кажется, до вас еще было?.. Так директор и четверо инженеров полетели со своих мест к черту. У вас задувка скоро окончится? – Да, уже почти готова. – Ну, это хорошо. При нем, значит, и открытие отпразднуем и начало каменных работ. Вы Квашнина самого встречали когда-нибудь? – Ни разу. Фамилию, конечно, слышал… – А я так имел удовольствие. Это ж, я вам доложу, такой тип, каких больше не увидите. Его весь Петербург знает. Во-первых, так толст, что у него руки на животе не сходятся. Не верите? Честное слово. У него и особая карета такая есть,

где вся правая сторона отворяется на шарнирах. При этом огромного роста, рыжий, и голос, как труба иерихонская. Но что за умница! Ах, боже мой!.. Во всех акционерных обществах состоит членом правления… получает двести тысяч всего только за семь заседаний в год! Зато уже, когда на общих собраниях надо спасать ситуацию, – лучше его не найти. Самый сомнительный годовой отчет он так доложит, что акционерам черное белым покажется, и они потом уже не знают, как им выразить правлению свою благодарность. Главное: он никогда и с делом-то вовсе незнаком, о котором говорит, и берет прямо апломбом. Вы завтра послушаете его, так, наверно, подумаете, что он всю жизнь только и делал, что около доменных печей возился, а он в них столько же понимает, сколько я в санскритском языке. – На-ра-ра-ра-рам! – фальшиво и умышленно небрежно запел Бобров, отворачиваясь. – Да вот… на что лучше… Знаете, как он принимает в Петербурге? Сидит голый в ванне по самое горло, только голова его рыжая над водою сияет, – и слушает. А какой-нибудь тайный советник стоит, почтительно перед ним согнувшись, и докладывает… Обжора он ужасный… и действительно умеет поесть; во всех лучших ресторанах известны битки a la Квашнин. А уж насчет бабья и не говорите. Три года тому назад с ним прекомичный случай вышел… И, видя, что Бобров собирается уйти, Свежевский схватил его за пуговицу и умоляюще зашептал: – Позвольте… это так смешно… позвольте, я сейчас… в двух словах. Видите ли, как дело было. Приезжает осенью, года три тому назад, в Петербург один бедный молодой человек – чиновник, что ли, какой-то… я даже его фамилию знаю, только не могу теперь вспомнить. Хлопочет этот молодой человек о спорном наследстве и каждое утро, возвращаясь из присутственных мест, заходит в Летний сад, посидеть четверть часа на скамеечке… Ну-с, хорошо. Сидит он три дня, четыре, пять и замечает, что ежедневно с ним гуляет по саду какой-то рыжий господин необычайной толщины… Они знакомятся. Рыжий, который оказывается Квашниным, разузнает от молодого человека все его обстоятельства, принимает в нем участие, жалеет… Однако фамилии ему своей не говорит. Ну-с, хорошо. Наконец однажды рыжий предлагает молодому человеку: «А что, согласились ли бы вы жениться на одной особе, но с уговором – сейчас же после свадьбы с ней разъехаться и больше не видаться?» А молодой человек как раз в это время чуть с голоду не умирал. «Согласен, говорит, только смотря по тому, какое вознаграждение, и деньги вперед». Заметьте, тоже молодой человек знает, с какого конца спаржу едят. Ну-с, хорошо… Сговорились они. Через неделю рыжий одевает молодого человека во фрак и чуть свет везет куда-то за город, в церковь. Народу никого; невеста уже дожидается, вся закутанная в вуаль, однако видно, что хорошенькая и совсем молодая. Начинается венчание. Только молодой человек замечает, что его невеста стоит какая-то печальная. Он ее и спрашивает шепотом: «Вы, кажется, против своей охоты сюда приехали?» А она говорит: «Да и вы, кажется, тоже?» Так они и объяснились между собой. Оказывается, что девушку принудила выйти замуж ее же мать. Прямо-то отдать дочь Квашнину маменьке все-таки мешала совесть… Ну-с, хорошо… Стоят они, стоят… молодой человек-то и говорит: «А давайте-ка удерем такую штуку: оба мы с вами молоды, впереди еще для нас может быть много хорошего, давайте-ка оставим Квашнина на бобах». Девица решительная и с быстрым соображением. «Хорошо, говорит, давайте». Окончилось венчанье, выходят все из церкви, Квашнин так и сияет. А молодой человек даже и деньги с него вперед получил, да и немалые деньги, потому что Квашнин в этих случаях ни за какими капиталами не постоит. Подходит он к молодым и поздравляет с самым ироническим видом. Те слушают его, благодарят, посаженым папенькой называют, и вдруг оба – прыг в коляску. «Что такое? Куда?» – «Как куда? На вокзал, свадебную поездку совершать. Кучер, пошел!..» Так Василий Терентьевич и остался на месте с разинутым ртом… А то вот однажды… Что это? Вы уже уходите, Андрей Ильич? – прервал свою болтовню Свежевский, видя, что Бобров с решительным видом поправляет на голове шляпу и застегивает пуговицы пальто. – Извините, мне некогда, – сухо ответил Бобров. – А что касается вашего анекдота,

то я его еще раньше где-то слышал или читал… Мое почтение. И, повернувшись спиной к Свежевскому, озадаченному его резкостью, он быстро вышел из мастерской.

III

Вернувшись с завода и наскоро пообедав, Бобров вышел на крыльцо. Кучер Митрофан, еще раньше получивший приказание оседлать Фарватера, гнедую донскую лошадь, с усилием затягивал подпругу английского седла. Фарватер надувал живот и несколько раз быстро изгибал шею, ловя зубами рукав Митрофановой рубашки. Тогда Митрофан кричал на него сердитым и ненатуральным басом: «Но-о! Балуй, идол!» – и прибавлял, кряхтя от напряжения: «Ишь ты, животная». Фарватер – жеребец среднего роста, с массивною грудью, длинным туловищем и поджарым, немного вислым задом – легко и стройно держался на крепких мохнатых ногах, с надежными копытами и тонкой бабкой. Знаток остался бы недоволен его горбоносой мордой и длинной шеей с острым, выдающимся кадыком. Но Бобров находил, что эти особенности, характерные для всякой донской лошади, составляют красоту Фарватера так же, как кривые ноги у таксы и длинные уши у сеттера. Зато во всем заводе не было лошади, которая могла бы обскакать Фарватера. Хотя Митрофан и считал необходимым, как и всякий хороший русский кучер, обращаться с лошадью сурово, отнюдь не позволяя ни себе, ни ей никаких проявлений нежности, и поэтому называл ее и «каторжной», и «падалью», и «убивцею», и даже «хамлетом», тем не менее он в глубине души страстно любил Фарватера. Эта любовь выражалась в том, что донской жеребчик был и вычищен лучше и овса получал больше, чем другие казенные лошади Боброва: Ласточка и Черноморец. – Поил ты его, Митрофан? – спросил Бобров. Митрофан ответил не сразу. У него была и еще одна повадка хорошего кучера – медлительность и степенность в разговоре. – Попоил, Андрей Ильич, как же не попоимши-то. Но, ты, озирайся, леший! Я тебе поверчу морду-то! – крикнул он сердито на лошадь. – Страсть, барин, как ему охота нынче под седлом идти. Не терпится. Едва только Бобров подошел к Фарватеру и, взяв в левую руку поводья, обмотал вокруг пальцев гривку, как началась история, повторявшаяся чуть ли не ежедневно. Фарватер, уже давно косившийся большим сердитым глазом наподходившего Боброва, начал плясать на месте, выгибая шею и разбрасывая задними ногами комья грязи. Бобров прыгал около него на одной ноге, стараясь вдеть ногу в стремя. – Пусти, пусти поводья, Митрофан! – крикнул он, поймав, наконец, стремя, и в тот же момент, перебросив ногу через круп, очутился в седле. Почувствовав шенкеля всадника, Фарватер тотчас же смирился и, переменив несколько раз ногу, фыркая и мотая головой, взял от ворот широким, упругим галопом… Быстрая езда, холодный ветер, свистевший в уши, свежий запах осеннего, слегка мокрого поля очень скоро успокоили и оживили вялые нервы Боброва. Кроме того, каждый раз, отправляясь к Зиненкам, он испытывал приятный и тревожный подъем духа. Семья Зиненок состояла из отца, матери и пятерых дочерей. Отец служил на заводе и заведовал складом. Этот ленивый и добродушный с виду гигант был в сущности очень пронырливым и каверзным господином. Он принадлежал к числу тех людей, которые под видом высказывания всякому в глаза «истинной правды» грубо, но приятно льстят начальству, откровенно ябедничают на сослуживцев, а с подчиненными обращаются самым безобразно-деспотическим образом. Он спорил из-за всякого пустяка, не слушая возражений и хрипло крича; любил поесть и питал слабость к хоровому малорусскому пению, причем неизменно фальшивил. Он, незаметно для самого себя, находился под башмаком у своей жены – женщины маленького роста, болезненной и жеманной, с крошечными серыми глазками, до смешного близко поставленными к переносью. Дочерей звали: Мака, Бета, Шурочка, Нина и Кася. Каждой из них в семье было отведено свое амплуа. Мака, девица с рыбьим профилем, пользовалась репутацией ангельского характера. «Уж эта Мака – сама простота», – говорили про нее родители, когда она во время прогулок и вечеров стушевывалась на задний план в интересах младших сестер (Маке уже перевалило за тридцать). Бета считалась умницей, носила пенсне и, как говорили, хотела

даже когда-то поступить на курсы. Она держала голову склоненной набок и вниз, как старая пристяжная, и ходила ныряющей походкой, то подымаясь, то опускаясь при каждом шаге. К новым гостям она приставала со спорами о том, что женщины лучше и честнее мужчин, или с наивной игривостью просила: «Вы такой проницательный… ну вот, определите мой характер». Когда разговор переходил на одну из классических домашних тем: «Кто выше: Лермонтов или Пушкин?» или: «Способствует ли природа смягчению нравов?» – Бету выдвигали вперед, как боевого слона. Третья дочь, Шурочка, избрала специальностью игру в дурачки со всеми холостыми инженерами по очереди. Как только узнавала она, что ее старый партнер собирается жениться, она, подавляя огорчение и досаду, избирала себе нового. Конечно, игра велась с милыми шутками и маленьким пленительным плутовством, причем партнера называли «противным» и били по рукам картами. Нина считалась в семье общей любимицей, избалованным, но прелестным ребенком. Она была выродком среди своих сестер с их массивными фигурами и грубоватыми, вульгарными лицами. Может быть, одна только madame Зиненко могла бы удовлетворительно объяснить, откуда у Ниночки взялась эта нежная, хрупкая фигурка, эти почти аристократические руки, хорошенькое смугловатое личико, все в родинках, маленькие розовые уши и пышные, тонкие, слегка вьющиеся волосы. На нее родители возлагали большие надежды, и ей поэтому разрешалось все: и объедаться конфетами, и мило картавить, и даже одеваться лучше сестер. Самой младшей, Касе, исполнилось недавно четырнадцать лет, но этот феноменальный ребенок перерос на целую голову свою мать, далеко превзойдя старших сестер могучей рельефностью форм. Ее фигура давно уже вызывала пристальные взоры заводской молодежи, совершенно лишенной, по отдаленности от города, женского общества, и Кася принимала эти взоры с наивным бесстыдством рано созревшей девочки. Это разделение семейных прелестей было хорошо известно на заводе, и один шутник сказал как-то, что если уж жениться на Зиненках, то непременно на всех пятерых сразу. Инженеры и студенты-практиканты глядели на дом Зиненко, как на гостиницу, толклись там с утра до ночи, много ели, еще больше пили, но с удивительной ловкостью избегали брачных сетей. В этой семье Боброва недолюбливали. Мещанские вкусы madame Зиненко, стремившейся все подвести под линию пошлого и благополучно скучного провинциального приличия, оскорблялись поведением Андрея Ильича. Его желчные остроты, когда он бывал в духе, встречались с широко раскрытыми глазами, и, наоборот, когда он молчал целыми вечерами, вследствие усталости и раздражения, его подозревали в скрытности, в гордости, в молчаливом иронизировании, даже – о! это было всего ужаснее! – даже подозревали, что он «пишет в журналы повести и собирает для них типы». Бобров чувствовал эту глухую вражду, выражавшуюся в небрежности за столом, в удивленном пожимании плечей матери семейства, но все-таки продолжал бывать у Зиненок. Любил ли он Нину? На это он сам не мог бы ответить. Когда он трое или четверо суток не бывал в их доме, воспоминание о ней заставляло его сердце биться со сладкой и тревожной грустью. Он представлял себе ее стройную, грациозную фигурку, улыбку ее томных, окруженных тенью глаз и запах ее тела, напоминавший ему почему-то запах молодых клейких почек тополя. Но стоило ему побывать у Зиненок три вечера подряд, как его начинало томить их общество, их фразы, – всегда одни и те же в одинаковых случаях, – шаблонные и неестественные выражения их лиц. Между пятью «барышнями» и «ухаживавшими» за ними «кавалерами» (слова зиненковского обихода) раз навсегда установились пошло-игривые отношения. И те и другие делали вид, будто они составляют два враждующих лагеря. То и дело один из кавалеров, шутя, похищал у барышни какую-нибудь вещь и уверял, что не отдаст ее; барышни дулись, шептались между собой, называли шутника «противным» и все время хохотали деревянным, громким, неприятным хохотом. И это повторялось ежедневно, сегодня совершенно в тех же словах и с теми же жестами, как вчера. Бобров возвращался от Зиненок с головной болью и с нервами, утомленными их провинциальным ломаньем. Таким образом, в душе Боброва

чередовалась тоска по Нине, по нервному пожатию ее всегда горячих рук, с отвращением к скуке и манерности ее семьи. Бывали минуты, когда он уже совершенно готовился сделать ей предложение. Тогда его не остановило бы даже сознание, что она, с ее кокетством дурного тона и душевной пустотой, устроит из семейной жизни ад, что он и она думают и говорят на разных языках. Но он не решался и молчал. Теперь, подъезжая к Шепетовке, он уже заранее знал, что́ и как там будут говорить в том или другом случае, даже представлял себе выражение лиц. Он знал, что когда с их террасы увидят его верхом на лошади, то сначала между барышнями, всегда находящимися в ожидании «приятных кавалеров», подымется длинный спор о том, кто это едет. Когда же он приблизится, то угадавшая начнет подпрыгивать, бить в ладоши, прищелкивать языком и задорно выкрикивать: «А что? А что? Я угадала, я угадала!» Вслед за тем она побежит к Анне Афанасьевне: «Мама, Бобров едет, я первая угадала!» А мама, лениво перетирая чайные чашки, обратится к Нине – непременно к Нине – таким тоном, как будто бы она передает что-то смешное и неожиданное: «Ниночка, знаешь, Бобров едет». И уже после этого все они вместе чрезвычайно и очень громко изумятся, увидя входящего Андрея Ильича.

IV

Фарватер шел, звучно фыркая и попрашивая поводьев. Вдали показался дом Шепетовской экономии. Из густой зелени сиреней и акаций едва виднелись его белые стены и красная крыша. Под горой небольшой пруд выпукло подымался из окружавших его зеленых берегов. На крыльце стояла женская фигура. Бобров издали узнал в ней Нину по ярко-желтой кофточке, так красиво оттенявшей смуглый цвет ее лица, и тотчас же, подтянув Фарватеру поводья, выпрямился и высвободил носки ног, далеко залезшие в стремена. – Вы опять на своем сокровище приехали? Ну вот, просто видеть не могу этого урода! – крикнула с крыльца Нина веселым и капризным голосом избалованного ребенка. У нее уже давно вошло в привычку дразнить Боброва его лошадью, к которой он был так привязан. Вообще в доме Зиненок вечно кого-нибудь и чем-нибудь дразнили. Бросив поводья подбежавшему заводскому конюху, Бобров похлопал крутую, потемневшую от пота шею лошади и вошел вслед за Ниной в гостиную. Анна Афанасьевна, сидевшая за самоваром, сделала вид, будто необычайно поражена приездом Боброва. – А-а-а! Андрей Ильич! Наконец-то вы к нам пожаловали!.. – воскликнула она нараспев. И ткнув ему руку прямо в губы, когда он здоровался с ней, она своим громким носовым голосом спросила: – Чаю? Молока? Яблоков? Говорите, чего хотите. – Merci, Анна Афанасьевна. – Merci – oui, oumerci – non? Подобные французские фразы были неизменны в семье Зиненко. Бобров отказался от всего. – Ну, так идите на террасу, там молодежь затеяла какие-то фанты, что ли, – милостиво разрешила madame Зиненко. Когда он вышел на балкон, все четыре барышни разом, совершенно тем же тоном и так же в нос, как их маменька, воскликнули: – А-а-а! Андрей Ильич! Вот уж кого давно-то не было видно! Чего вам принести? Чаю? Яблоков? Молока? Не хотите? Нет, правда? А может быть, хотите? Ну, в таком случае садитесь здесь и принимайте участие. Играли в «барыня прислала сто рублей», в «мнения» и еще в какую-то игру, которую шепелявая Кася называла «играть в пошуду». Из гостей были: три студента-практиканта, которые все время выпячивали грудь и принимали пластические позы, выставив вперед ногу и заложив руку в задний карман сюртука; был техник Миллер, отличавшийся красотою, глупостью и чудесным баритоном, и, наконец, какой-то молчаливый господин в сером, не обращавший на себя ничьего внимания. Игра не ладилась. Мужчины исполняли свои фанты со снисходительным и скучающим видом; девицы вовсе от них отказывались, перешептывались и напряженно хохотали. Смеркалось. Из-за крыш ближней деревни медленно показывалась огромная красная луна. – Дети, идите в комнаты! – крикнула из столовой Анна Афанасьевна. – Попросите Миллера, чтобы он нам спел что-нибудь. Через минуту голоса барышень уже слышались в комнатах. – Нам было очень весело, – щебетали они вокруг матери, – мы так смеялись, так смеялись… На балконе остались только Нина и Бобров. Она сидела на перилах, обхвативши столб левой рукой и прижавшись к нему в бессознательно грациозной позе. Бобров поместился на низкой садовой скамеечке у самых ее ног и снизу вверх, заглядывая ей в лицо, видел нежные очертания ее шеи и подбородка. – Ну, расскажите же что-нибудь интересное, Андрей Ильич, – нетерпеливо приказала Нина. – Право, я не знаю, что бы вам рассказать, – возразил Бобров. – Ужасно трудно говорить по заказу. Я и то уж думаю: нет ли такого разговорного сборника, на разные темы… – Фу-у! Какой вы ску-учный, – протянула Нина. – Скажите, когда вы бываете в духе? – А вы мне скажите, почему вы так боитесь молчания? Чуть разговор немножко иссяк, вам уже и не по себе… А разве дурно разговаривать молча? – «Мы будем с тобой молчали-ивы…» – пропела насмешливо Нина. – Конечно, будем молчаливы. Посмотрите: небо ясное, луна рыжая, большущая, на балконе так тихо… Чего же еще?.. – «И эта глупая луна на этом глупом небосклоне», – продекламировала Нина. A propos, вы слышали, что Зиночка Маркова выходит замуж за Протопопова? Выходит-таки! Удивительный человек этот Про-

топопов. – Она пожала плечами. – Три раза ему Зина отказывала, и он все-таки не мог успокоиться, сделал в четвертый раз предложение. И пускай на себя пеняет. Она его, может быть, будет уважать, но любить – никогда! Этих слов было достаточно, чтобы расшевелить желчь в душе Боброва. Его всегда выводил из себя узкий, мещанский словарь Зиненок, с выражениями вроде: «Она его любит, но не уважает», «Она его уважает, но не любит». Этими словами в их понятиях исчерпывались самые сложные отношения между мужчиной и женщиной, точно так же, как для определения нравственных, умственных и физических особенностей любой личности у них существовало только два выражения: «брюнет» и «блондин». И Бобров, из смутного желания разбередить свою злобу, спросил: – Что же такое представляет собою этот Протопопов? – Протопопов? – задумалась на секунду Нина. – Он… как бы вам сказать… довольно высокого роста… шатен!.. – И больше ничего? – Чего же еще? Ах, да: служит в акцизе… – И только? Да неужели, Нина Григорьевна, у вас для характеристики человека не найдется ничего, кроме того, что он шатен и служит в акцизе! Подумайте: сколько в жизни встречается нам интересных, талантливых и умных людей. Неужели все это только «шатены» и «акцизные чиновники»? Посмотрите, с каким жадным любопытством наблюдают жизнь крестьянские дети и как они метки в своих суждениях. А вы, умная и чуткая девушка, проходите мимо всего равнодушно, потому что у вас есть в запасе десяток шаблонных, комнатных фраз. Я знаю, если кто-нибудь упомянет в разговоре про луну, вы сейчас же вставите: «Как эта глупая луна», и так далее. Если я расскажу, положим, какой-нибудь выходящий из ряда обыкновенных случай, я наперед знаю, что вы заметите: «Свежо предание, а верится с трудом». И так во всем, во всем… Поверьте мне, ради бога, что все самобытное, своеобразное… – Я вас прошу не читать мне нравоучений! – отозвалась резко Нина. Он замолчал с ощущением горечи во рту, и они оба сидели минут пять тихо и не шевелясь. Вдруг из гостиной послышались звучные аккорды, и немного тронутый, но полный глубокого выражения голос Миллера запел:

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.